

Из Архива Международного Мемориала

14.07.2017, 11:29 Москва

ДОКУМЕНТЫ

Административный арест, фабрика «Свобода», Пушкин и мыло

Несколько дней назад умерла поэтесса, узница политических лагерей 1980-х Ирина Ратушинская. В 1981 году самиздатский информационный бюллетень СМОТ (Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся) опубликовал ее рассказ об отбывании административного ареста в Москве за участие в ежегодной традиционной диссидентской акции 10 декабря на Пушкинской площади — в 18 часов люди приходили и молча снимали шапки. Текст с тех пор не переиздавался.

«ЕЩЕ ОДНА ГОСТЬЯ СТОЛИЦЫ. РАССКАЗЫВАЕТ ИРИНА РАТУШИНСКАЯ...»

Поэт И. Ратушинская, киевлянка, гостила в Москве с мужем [1] в начале декабря, и заодно захотели увидеть Пушкинскую площадь вечером 10 декабря (известно во всем мире, что в этот день, точнее вечер, Пушкинская особенно привлекает многих москвичей и приезжих). Интерес к этой площади в этот день привел супругов к тому, что их гощение в столице удлинилось на 10 суток всех намеченного ранее срока. Причем эти 10 суток гостили они в разных местах: муж где-то за городом, в месте с поэтическим название «Березки» [2], а жене-поэтессе досталось такое же точно отдохновение, только с более прозаическим наименованием места пребывания; с этого наименования и начинается ее рассказ:

— Московский спецприемник № 2, что расположен рядом с Бутырской тюрьмой [3], ориентирован на поставки арестантских рабочих рук для фабрики «Свобода» [4].

За один день, отработанный на фабрике, оттуда отчисляется 4 рубля в пользу МВД. Заключение женщины работают полный 8-часовой рабочий день, включая субботы и воскресенья. Кроме того, их привлекают к обслуживанию спецприемника. Даже посуду после милицейских пирушек должны мыть арестованные женщины. В случае административного ареста за мелкое хулиганство с заключенных высчитывается в бесспорном порядке 1 рубль за один день пребывания в спецприемнике (Правила содержания административно арестованных). На питание человека в день расходуется 36 коп. Кроме того, человеку, арестованному на 15 суток, естественно, не оплачивают этот период на работе. Но и это еще не все. Он лишается очередной премии, прогрессивки и тринадцатой зарплаты.

Подсчет общей суммы предоставляется читателю в качестве самостоятельного упражнения.

Все заключенные стремятся компенсировать свои убытки, воруя продукцию с фабрики. Существует специальный термин: «окупились» отсидка или нет. Проще всего передавать продукцию прямо с фабрики подошедшим родным. А если это почему-либо невозможно — стараются пронести все это в спецприемник. На этом, опять же, наживается милиция. На входе — обыск, но изымать все невыгодно: перестанут воровать. Так же невыгодно забирать все из «зачеков» в камерах: перестанут прятать. Например, в камерах существуют вентиляционные отдушины, закрывающиеся дверцей. Они расположены довольно высоко над полом и никуда не ведут. То ли так спланировано, то ли позже заложено кирпичами. Получается соблазнительный тайничок, и охране остается только ждать, когда он наполнится. Однажды, после того как из отдушины все выгребла очередная смена милиционеров, заключенные скрутили в трубочку дверцу отдушины, «чтобы другие не попадались» (ведь никто не задерживается надолго). Среди охраны настоящий переполох: все надзирательницы по очереди пробовали распрямить дверцу, среди ночи вызвали мастера, чтобы ее поменять и покрасить, а краску слегка затереть, «чтобы незаметно». Это была совершенно невиданная оперативность ремонта. Для сравнения: титан для кипятка на кухне уже месяц как сломан, и никто не суется.

По моим подсчетам, за один день при обыске одной камеры две надзирательницы получили косметики на 55 рублей, и эта цифра вряд ли далека от средней.

Но в общем спецприемник работает образцово: мне приходилось читать «Книгу отзывов заключенных» — сплошные благодарности. За заботу о гигиене, за лечение, за вежливое обращение и душевное отношение, за перевоспитание, наконец. Достигается это очень

простым методом: заключенной намекают, что вместо выхода на свободу она снова попадет в милицию. За ней, мол, должны приехать. Зачем? «Там видно будет». Потом дают ей повариться несколько часов в собственном соку сомнений, раздумий. Потом проясняется, что приезд или неприезд милиции зависит от телефонного звонка. А потом приглашают на «выход» и сообщают, что — никакой милиции, пожалуй, не будет. Не угодно ли, кстати, написать благодарность? И женщина готова написать все, что угодно.

По тем же «Правилам содержания»^[5] заключенные имеют право подавать через администрацию спецприемника заявления. Фактически это невозможно. Мне не дали написать требование о выдаче мне копии судебного постановления (на основании ст.37 «Основ законодательства СССР об административных нарушениях»). Двоим заключенным не дали возможности написать заявление в суд о пересмотре дела. Так же невозможно написать отрицательный отзыв: текст заранее согласуется.

Что касается гигиены, то все очень просто: из крана идет ледяная вода, а в туалет (где кран) пускают две камеры (40–45 чел.) на 10 минут. Для вновь прибывших положена «санобработка», то есть душ. Его иногда можно добиться. Об этом ходят легенды. Но уж, конечно, не для всех «вновь прибывших». Теоретически можно добиться и таблеток, но на практике все таблетки давать заключенным опасно: «накайфуются». И поэтому отказывают даже в таблетках от кашля.

В камерах болеют почти поголовно: холодно, а постельных принадлежностей по тем же «Правилам» не положено. Только то, что на себе. Но обращаться к врачу считается безумием: сутки, проведенные в «больничке», не засчитываются в срок. Поэтому больные выходят

на работу. Остаться нельзя: попадешь в «больничку». Каково там, я не знаю. При мне туда никто не просился.

Что касается «вежливого обращения», то заключенные женщины в большинстве готовы сносить любое издевательство: лишь бы не «надбавили сутки» за пререкания. По «Правилам» пререкания не положены, а «надбавить» могут до 30 суток. И семидесятилетняя женщина при мне вставала, когда в камеру входила молоденькая надзирательница. Так положено. Это тоже предусмотрено «Правилами». На мое «невставание» предпочитали не обращать внимания, но когда одна старушка не встала при утренней проверке (это пересчет голов) — просто не проснулась, — ее оставили в спецприемнике, на работу не повезли. «А с тобой, бабка, мы будем тренироваться вставать!». Ее увели в другую камеру. Что там было, я не знаю. Вернулась она вечером, вся заплаканная, и ничего не хотела рассказывать.

Размеры камеры — 20 кв.м. Судя по прибитой полочке с ячейками для зубных щеток и мыла, камера рассчитана на 16 человек. В среднем в ней 20–25 человек. Надзирательницы говорят, во время Олимпиады было до 60.

К Новому году стараются принимать поменьше: у милиционеров здесь будет пирушка, и чем меньше народу в камерах, тем лучше. Но с другой стороны, милиционеру «за привод» положено 2 рубля 50 копеек, а к Новому году деньги нужны.

[1] Геращенко Игорь Олегович (р.1953), физик. Соавтор (вместе с женой) нескольких самиздатских статей и правозащитных заявлений. Эмигрировал в Великобританию (1986), переехал в Москву (1998).

[2] Спецприемник находился по адресу Дмитровское шоссе 182 (сейчас там находится Центр содержания иностранных граждан № 1). Неподалеку располагался дом

отдыха «Березовая роща», сейчас — Центр восстановительной медицины и реабилитации ФКУЗ «МСЧ МВД России по г. Москве».

[3] При Бутырской тюрьме существовал корпус для отбывания административного наказания (спецприемник) по адресу улица Новослободская 45 к. 4.

[4] Косметическая фабрика, существующая с 1843 года, производит мыло. Находится по адресу Вятская улица, 47 с. 3.

[5] 21 декабря 1971 г. вышел приказ МВД СССР № 356 «О введении в действие Положения о специальных приемниках при органах внутренних дел для содержания лиц, подвергнутых административному аресту за мелкое хулиганство».

Ещё почитать

06.03.2026 [Москва](#)

Против политика из Удмуртии, который больше месяца держал голодовку, возбудили новое дело